

ПАСТЬ ДРАКОНА

I

Великолепный фрегат, носящий имя «Сан-Фелипе»*, в котором сочетались благочестие и верноподданность, отличался удивительной четкостью и красотой линий и богатством внутренней отделки, что было присуще большинству судов, сооружавшихся на верфях Испании.

Просторная каюта, полная солнечного света, который лился сквозь кормовые иллюминаторы, открытые над пенящейся в кильватере водой, радовала глаз роскошной резной мебелью, зеленым бархатом драпировок и позолотой украшенных орнаментом панелей.

Питер Блад, теперешний владелец фрегата, временно вернувшийся к своей первоначальной профессии хирурга, склонился над испанцем, лежащим на кушетке. Его точеные сильные руки уверенными движениями меняли повязку на сломанном бедре испанца. Наложив пластырь, держащий лубок, Блад выпрямился и кивком отпу-

---

* «Сан-Фелипе» как бы посвящен одновременно и святому Филиппу и королю Испании Филиппу III.

стил негра-стюарда, присутствовавшего при операции.

— Все в порядке, дон Иларио, — заговорил он на безупречном испанском языке. — Теперь я даю вам слово, что вы снова сможете ходить на двух ногах.

Слабая улыбка мелькнула на измученном лице пациента Блада, озарив его аристократические черты.

— За это чудо, — сказал он, — я должен благодарить Бога и вас.

— Здесь нет никакого чуда — просто хирургия.

— Значит, вы хирург? Это уже само по себе чудо. Вряд ли мне поверят, если я кому-то расскажу, что меня вылечил капитан Блад.

Капитан, высокий и гибкий, аккуратно спустил рукава своей батистовой рубашки. Из-под черных бровей ярко-голубые глаза, цвет которых казался особенно удивительным на фоне смуглого, загорелого, ястребиного лица, задумчиво окинули взглядом испанца.

— Врач всегда остается врачом, — объяснил он. — А я, как вы, возможно, слышали, раньше был им.

— К счастью для себя, я убедился в этом на собственном опыте. Но какая странная причуда судьбы превратила вас из врача в пирата?

— Мои огорчения начались с того, — улыбнулся капитан Блад, — что я, как и в случае с вами, выполнил свой долг врача и позаботился

о раненом человеке, не принимая во внимание то, каким образом он был ранен. Это был один из повстанцев, сражавшихся под знаменами герцога Монмута. А по законам, принятым в христианских странах, человек, оказавший мятежнику медицинскую помощь, сам, в свою очередь, становится мятежником. Я был пойман на месте преступления, перевязывая ему рану, и за это был приговорен к смерти. Но приговор изменили — отнюдь не из милосердия, а потому что на плантациях требовались рабы. Вместе с другими несчастными меня перевезли через океан и продали в рабство на Барбадос. Мне удалось бежать, и с тех пор вместо доктора Блада появился капитан Блад. Но в теле корсара еще не погиб дух врача, как вы сами могли убедиться, дон Иларио.

— К моему величайшему счастью и глубокой признательности к вам. И дух врача продолжает заниматься милосердными поступками, которые однажды оказались для него пагубными?

— Увы! — Живые глаза капитана изучающе оглядели испанца, заметив румянец, появившийся на его бледных щеках, и странное выражение взгляда.

— Вы не боитесь, что история может повториться?

— Я вообще ничего не боюсь, — сказал капитан Блад, протягивая руку за своим черным, отделанным серебром камзолом. Расправив брабантские кружевные манжеты, он потрянул локона-

ми черного парика и выпрямился, являя собой воплощение мужества и элегантности, более уместное в галереях Эскориала, нежели на квартердеке пиратского корабля.

— Теперь отдыхайте. Постарайтесь поспать до восьми склянок. Хотя никаких признаков жара у вас нет, все же я предписываю вам полный покой. Когда пробьет восемь склянок, я вернусь.

Пациент, однако, не намеревался пребывать в состоянии полного покоя.

— Дон Педро... Прежде чем вы уйдете... Я поставлен в крайне неловкое положение. Будучи столь обязанным вам, я не считаю себя вправе лгать. Я обманывал вас.

На тонких губах Блада мелькнула ироническая улыбка.

— Мне самому тоже немало приходилось обманывать многих.

— Но здесь есть разница. Моя честь восстает против этого. — И глядя прямо в глаза капитану, дон Иларио продолжал: — Вы знаете меня только как одного из четырех потерпевших кораблекрушение испанцев, которых вы сняли с рифов Сент-Винсента и великодушно обещали высадить в Сан-Доминго. Но долг велит мне сообщить вам всю правду.

Слова испанца, казалось, забавляли Блада.

— Сомневаюсь, чтобы вы смогли добавить что-либо, неизвестное мне. Вы дон Иларио де Сааведра, назначенный королем Испании новым

губернатором Эспаньолы. До того как шторм потопил ваш корабль, он входил в эскадру маркиза Риконете, совместно с которым вы намеревались уничтожить проклятого пирата и флибустьера, врага Господа Бога и Испании по имени Питер Блад.

На лице дона Иларио отразилось глубочайшее удивление и изумление.

— *Virgin Santissima!** Вы знаете это?

— С благодарным, заслуживающим всяческой похвалы, вы положили ваш патент в карман, когда ваш корабль пошел ко дну. С не менее похвальным благодарным я обыскал ваш костюм вскоре после того, как принял вас на борт. В нашей профессии не приходится быть разборчивым.

Но это простое объяснение еще более удивило испанца.

— И, несмотря на это, вы не только лечите меня, но и в самом деле везете в Сан-Доминго! — Выражение его лица внезапно изменилось. — Ага, понимаю. Вы рассчитываете на мою признательность...

— Признательность? — прервал его капитан Блад и рассмеялся. — Это последнее чувство, на которое я стал бы рассчитывать. Я вообще, сеньор, рассчитываю только на себя. Как я уже сказал вам, я ничего не боюсь. Ваша благодарность относится к врачу, а не к пирату, поэтому на нее не прихо-

---

* Пресвятая Дева! (*лат.*)

дится особенно надеяться. Не тревожьте себя проблемой выбора между долгом перед вашим королем и мной. Я предупрежден, и этого для меня достаточно. Спите спокойно, дон Иларио.

И Блад удалился, оставив испанца окончательно сбитым с толку.

Выйдя на шкафут, где слонялось без дела несколько десятков пиратов, он заметил, что небо уже не так чисто и безоблачно, как раньше.

Погода вообще стала неустойчивой после урагана, разразившегося десять дней назад и забросившего дона Иларио с его тремя попутчиками на скалистый островок, откуда они были взяты на борт «Сан-Фелипе». В результате постоянно сменяющих друг друга штормов и штилей фрегат все еще находился в двадцати милях от Саоны*. Корабль еле-еле полз по ярко-фиолетовым, точно смазанным маслом, волнам; паруса его то надувались, то повисали. Видневшиеся невдалеке по правому борту гористые берега Эспаньолы сейчас растаяли в туманной дымке.

— Надвигается очередной шквал, капитан, — сказал Бладу стоящий на корме штурман Чэффинч. — Я начинаю сомневаться, что мы вообще когда-нибудь доберемся до Сан-Доминго. Мы взяли на борт Иону**.

---

* *Саона* — островок у юго-восточной оконечности Гаити.

** Подразумевается библейский пророк Иона, которого за попытку проповеди на корабле моряки выбросили в море, потом его проглотил кит, но Бог услышал горячую мольбу Ионы, пророк был извергнут из чрева кита и благополучно достиг берега.

Чэффинч не обманулся в своих предположениях. В полдень с запада подул сильный ветер, вскоре перешедший в шторм. Никто из команды не сомневался, что раньше полуночи им не добраться до Сан-Доминго. Под потоками дождя, раскатами грома, захлестывающими палубу волнами «Сан-Фелипе» боролся с бурей, отбросившей его к северо-западу. Шторм терзал корабль до рассвета; лишь после восхода солнца море относительно успокоилось, и фрегат получил возможность потихоньку зализывать раны. Кормовые поручни и вертлюжные пушки снесло за борт; ветер сорвал с утлегаря одну из лодок, и ее обломки запутались в носовых цепях.

Однако наибольшей неприятностью была треснувшая грот-мачта, которая стала не только бесполезной, а даже угрожающей целостности фрегата. В то же время шторм продвинул их ближе к цели. Меньше чем в пяти милях к северу находился Эль-Росарио, за которым лежал Сан-Доминго. В водах этой испанской гавани, под дулами пушек форта, дон Иларио ради собственной безопасности был вынужден давать Бладу необходимые указания.

Ранним утром потрепанный бурей корабль с едва колеблемыми легким ветерком парусами на фок- и бизань-мачтах и без единого клочка материи, за исключением кастильского флага на грот-мачте, проплыл мимо созданного природой мола, постепенно размываемого приливами Осама, и сквозь узкий пролив, известный

под названием Пасть Дракона, проник в гавань Сан-Доминго.

Пройдя восемь саженей вдоль берега, который образовался, как и мол, в результате скопления кораллов, принявшего форму островка менее четверти мили шириной и около мили длиной с небольшой грядой посередине, где росло несколько пальм, «Сан-Фелипе» бросил якорь и приветствовал пушечным салютом, прогремевшим на всю гавань, Сан-Доминго — один из самых красивых городов Новой Испании.

Казавшийся ослепительно белым на фоне обрамлявших его изумрудно-зеленых саванн, город изобиловал площадями, дворцами и церквями, словно перевезенными из Кастилии и увенчанными шпилем собора, где хранились останки Колумба. На белом молу началась суэта, и вскоре к «Сан-Фелипе» направилась позолоченная двадцативесельная барка, сопровождаемая несколькими лодками, над которой развевался красно-желтый флаг Испании.

Под красным, окаймленным золотом навесом сидел полный смуглый сеньор в светло-коричневом костюме из тафты и в широкополой шляпе с пером.

Тяжело дыша и обливаясь потом, он вскарабкался по забортному трапу на шкафут «Сан-Фелипе».

Здесь его ожидали капитан Блад в черном, отделанном серебром костюме и беспомощно ле-

жащий на койке дон Иларио, которого вынесли из каюты, а также три других испанца, стоящие вокруг него. За ними выстроилась шеренга корсаров, облаченных в шлемы и латы и вооруженных мушкетами испанских пехотинцев.

Но дон Клементе Педросо, отставного губернатора, место которого должен был занять дон Иларио, этот маскарад не обманул. Год назад неподалеку от Пуэрто-Рико на палубе галиона, взятого на абордаж капитаном Бладом, Педросо находился лицом к лицу с прославленным флибустьером, а забыть Блада было вовсе не так легко. Дон Клементе остановился как вкопанный, и его смуглую, похожую на грушу физиономию исказила гримаса бешенства, смешанного со страхом.

Сняв шляпу, капитан Блад вежливо поклонился ему.

— Ваше превосходительство делает мне честь, запомнив меня. Но не думайте, что я плаваю под чужим флагом. — И он указал на испанский флаг, обеспечивший «Сан-Фелипе» радушную встречу. — Вымпел Испании означает присутствие на борту Иларио де Сааведра, назначенного королем Филиппом новым губернатором Эспаньолы.

Дон Клементе, уставившись на бледное надменное лицо человека на койке, застыл как статуя и не проронил ни звука до тех пор, пока дон Иларио в нескольких словах не обрисовал ему ситуацию, предъявив свой патент, текст которого, несмотря на солидную обработку морской водой,

оставался достаточно разборчивым. Дон Иларио и три его спутника добавили, что все дополнительные подтверждения будут даны маркизом Риконете, адмиралом военно-морского флота его католического величества в Карибском море, чья эскадра вскоре должна прибыть в Сан-Доминго.

В мрачном молчании дон Клементе выслушал это сообщение и внимательно изучил предъявленные ему полномочия нового губернатора. После этого он благоразумно постарался скрыть под маской надменного спокойствия ярость, забушевавшую в нем при виде капитана Блада.

И все же дон Клементе явно намеревался поскорее удалиться.

— Моя барка, дон Иларио, к услугам вашего превосходительства. Думаю, что здесь нас ничто более не задерживает.

И он повернулся к трапу, нарочито не замечая капитана Блада и выказывая ему тем самым свое презрение.

— Ничто, — сказал дон Иларио, — кроме выражения благодарности моему спасителю и выдачи ему соответствующего вознаграждения.

Дон Клементе даже не обернулся.

— Естественно, — кисло промолвил он, — нужно обеспечить ему свободный выход из гавани.

— Я бы постыдился такой жалкой и скудной благодарности, — заявил дон Иларио, — особенно учитывая плачевное состояние «Сан-Фелипе».

За эту величайшую услугу, которую оказал мне капитан, безусловно, следует разрешить ему заpastись здесь дровами, водой, свежей провизией и лодками. Кроме того, необходимо предоставить кораблю убежище в Сан-Доминго для ремонта.

— Для ремонта мне вовсе незначем беспокоить жителей Сан-Доминго, — вмешался капитан Блад, — этого островка вполне достаточно. С вашего разрешения, дон Клементе, я временно вступлю во владение им.

Дон Клементе, кипевший от злобы во время речи дона Иларио, не выдержал и взорвался.

— С моего разрешения? — Его лицо пожелтело. — Благодарение богу и всем святым, я избавлен от этого позора, так как губернатор теперь — дон Иларио.

Сааведра нахмурился.

— Поэтому будьте любезны не забывать этого, — сухо произнес он, — и несколько сбавить тон.

— О, я покорный слуга вашего превосходительства. — И экс-губернатор отвесил дону Иларио иронический поклон. — Конечно, от вас зависит решить, сколько времени этот враг Господа Бога и Испании будет наслаждаться гостеприимством и покровительством его католического величества.

— Столько времени, сколько ему понадобится для ремонта.

— Понятно. А когда ремонт будет окончен, то вы позволите ему беспрепятственно удалиться,

чтобы продолжать топить и грабить испанские корабли?

— Я дал капитану слово, — холодно ответил Сааведра, — что ему гарантируют свободный выход и что в течение сорока восьми часов после этого против него не будут предприняты никакие меры, в том числе и погоня.

— Тысяча чертей! Так вы дали ему слово?..

— И это навело меня на мысль, — вежливо прервал его капитан Блад, — взять такое же слово и с вас, друг мой.

Блад произнес эту фразу, движимый не страхом за себя, а беспокойством за великодушного дона Иларио; связав старого и нового губернаторов одинаковыми обязательствами, он лишил бы дона Клементе возможности вредить впоследствии дону Иларио, на что тот был вполне способен.

В бешенстве дон Клементе замахал своими маленькими толстыми руками.

— Взять с меня такое же слово?! — От злобы он едва не задохнулся; его физиономия, казалось, вот-вот лопнет. — Вы думаете, что я стану давать слово грязному пирату? Ах вы!..

— Если вы предпочитаете, я могу заковать вас в кандалы, посадить за решетку и держать вас и дона Иларио на борту, пока не отплыву из гавани.

— Это насилие!

Капитан Блад пожал плечами.

— Можете называть это как угодно. Помогите, это задержка заложников.

Дон Клементе свирепо уставился на него.

— Я протестую! Вы принуждаете меня...

— Здесь нет никакого принуждения. Перед вами свобода выбора. Либо вы дадите мне слово, либо я вас закую в кандалы.

Дон Иларио решил вмешаться.

— Довольно, сеньор! Эта перебранка становится просто невежливой. Вам придется дать слово или отвечать за все последствия.

Таким образом, несмотря на сопротивление дона Клементе, ему волей-неволей пришлось дать требуемое обязательство.

Дон Клементе удалился в состоянии неопишемого бешенства. Напротив, дон Иларио, когда его койку подняли на канаты, чтобы опустить на ожидающую барку, обменялся с капитаном Бладом взаимными комплиментами и благими пожеланиями, которые, как все хорошо понимали, ни в коей мере не помешают дону Иларио ревностно исполнять свой долг после окончания перемирия.

Блад улыбался, глядя на красную барку, которая, рассекая волны, двигалась через гавань по направлению к молу. Несколько маленьких лодок направлялись за ней; другие, нагруженные фруктами, овощами, свежим мясом и рыбой, остались у борта «Сан-Фелипе». Их владельцы ничуть не беспокоились о том, что товары могут быть проданы пиратам.